

О.В. Кириченко

**«Воспоминания о строительстве
сельского храма Воскресения Христова
в с. Битюг-Матреновка Воронежской обл.**

А.А. Ивановой (монахини Митрофании)»¹. Часть 2²

Вдруг звонит мне благочинный о. Василий Гришанов и говорит: «Хочешь, чтоб был священник, чтобы была служба, сама ищи священника». Иши и всё! Я когда в Киево-Печерскую лавру ездила, в Ближних пещерах была (как-то прошла быстро) и потом захотела вернуться. Вернулась, а там монах сидит, я не обратила внимание, у какой он дверцы сидел и пропускала людей. Но дверь к этому времени была закрыта. Я входжу, никого рядом нету, и, вдруг, он ко мне обращается: «Вы посмотреть или помолиться?» Говорю: «Конечно, помолиться». Он открыл эту заднюю дверцу: «Идите!». И вот я одна пошла по этим пещерам, страха не было. Я подходила к каждой раке и просила о помощи. Увидела иконописцев, их там два: и того, и другого очень просила нам помочь, потому что понимала, что никогда своими силами с росписью мы не справимся. Я просила у святых иконописцев помочь и молитв о нас Господу. И одновременно, мучилась вопросом: «Как же мне искать священника?» Звоню тому священнику, с которым мы друг другу помогаем, говорю: «Батюшка, у вас нет такого священника?» А он отвечает: «Какими глупостями ты занимаешься! Епархия даст тебе священника». Говорю ему в ответ: «В епархии нет священников». А вечером он опять звонит и сообщает: «Алла Александровна, это чудо какое-то, есть для вас священник». Оказывается звонивший мне священник пришел в гости к одним людям (его позвали духовные чада) на день Ангела и вдруг за

столом встречает священника, который нам нужен; молодой, неженатый, иеромонах. Приехал этот иеромонах ко мне, оказавшийся к тому же иконописцем. Поговорили, я рассказала ему о храме, показала фотографии, он отвечает: «Давайте, подумаем, три дня помолимся, а там созвонимся». Через три дня созвонились и у обоих нас было положительное решение. Повезла его на следующий же день в Матреновку. Он зашел в храм, посмотрел и с наслаждением произнес: «Сколько-о же здесь работы!» Вроде всё ему у нас понравилось. В монастыре трудно ему было, там жесткие условия общежития. Он молодой монах и священник и ребята, его друзья-москвичи, повезли его на о. Залита к о. Николаю Гурьянову, чтобы узнать у него волю Божию. Батюшка, о. Николай его очень хорошо принял, он вообще редко кого в кельюпускает, обычно туда заходит о. Валериан Кречетов, который его регулярно причащает. А моего, завел в келью к себе, накормил его и сказал, что «монастырь не для тебя, тебе надо на приход, ищи себе приход, организовывай и поднимай. У тебя будет каменный храм». Вернулись они в Москву, ребята стали ему искать подходящий храм, нашли деревянный под Москвой, но что-то там не получилось. И тут я и попалась ему со своим предложением. Он взглянул на фото тогда и удивленно произнес: «Ой, каменный!» Я тогда не поняла его изумления. Он рассказал, что недавно приехал от о. Николая и тот ему сказал о каменном храме. Осталось сде-

¹Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00196 А.

²Часть 1. См.: Традиции и современность. 2018. № 21.

лать одно очень трудное дело: уладить дело с его отпуском с места открепления и местом нового прикрепления. Я решила мчаться к о. Николаю на о. Залит, чтобы попросить его о молитвенной помощи, я до этого никогда у него не была. Приехала туда, он меня очень хорошо принял, посмотрел фотографии, я рассказал об оскверненной вокруг храма территории (туалет на кладбище и проч.), он в ответ мне говорит: «Всё будет хорошо, всё будет хорошо! Всё очистим и наладим». Благословил меня: «Ну, хорошо, хорошо, пусть приступает» (это он про моего иеромонаха). Я показала батюшке фотографию иеромонаха. После этого наш кандидат отправился в свою епархию отпрашиваться. Мы с мамочкой считали, что за такой поступок с него епископ может крест иерейский снять, поскольку монах не может сам искать и предлагать новое место служения. Молился в это время о. Николай и я в этот день бегала по всем престолам. И смотрите, тут же позвонил один знакомый священник: «Хочешь в Кремль пойти, на патриаршую службу в Успенский собор?» Была память св. кн. Евдокии, жены св. кн. Дмитрия Донского. В этот день нас даже пустили в подклеть, хотя обычно туда не пускают. Я очень просила святую княгиню помочь нам устроить дело с иеромонахом. Она ведь монахиня и сама строила Вознесенский монастырь в Кремле. А у нас в Матреновке храм строился в честь Вознесения Господня. Потом был праздник Казанской иконы Божией Матери и опять я не отходила от чудотворного образа в Елоховском соборе. Вечером на Казанскую звонит мне о. Гедеон и говорит: «Ничего не понимаю, отпустили вашего иеромонаха без всякого порицания». Мама его тоже была удивлена: «Кто же молился так?». Владыка только спросил тогда его: «Где ты найдешь приход?»

На следующий день после его возвращения мы уже отбыли в Матреновку и месяц там прожили, обживались, знакомились с обстановкой. Только жить ему до сих пор негде, да и здоровье у него оказалось плохое. Избы самые дешевые в деревне стоят 35 тысяч. Да и с местными жителями тяжело было найти общий язык. Мало людей помогает в строительстве храма. Может мы себя неправильно поставили?

На торжество Воздвиженья Креста и установления креста на куполе храма народу много приезжало и приходило. На водосвятный молебен, пришли, водичку взять. Я ждала, что деревня всколыхнется в период строительства храма, но до сих пор моему о. Гедеону очень трудно, помощников нет. И только несколько бабушек на службу ходят, петь некому. В основном читают моя помощница Люба (что ведала строительством,

пока я собирала средства в Москве) и ее хозяйка, т.к. она живет на квартире. Отец Гедеон научил их читать по церковно-славянски. Поют, конечно, слабенько. Я хотела организовать собрание сельчан и рассказать им про многочисленные чудеса, связанные с этим храмом, чтобы люди прониклись этим и откликнулись. Но все заняты своим хозяйством и не откликнулись. Мы в храме чтим память святого царя Николая и его семьи. Я привезла туда иконочку царской семьи, отец Гедеон очень обрадовался, поставил ее в алтаре. Я бегала за той иконой царя, которая мироточит, куда ее переносят, туда и я иду.

Особая история у меня связана с крестами. Крестов я поставила много. Я не знала, где похоронен дедушка (в д. Битюг-Матреновка. – О.К.) и решила поставить крест в память о дедушке просто на кладбище. Было свободное место при входе на кладбище с левой стороны, там я и поставила крест. Написала, что крест поставлен в честь протоиерея Николая Григорьевича Иванова, последнего настоятеля Вознесенского храма, перед его закрытием и потом разрушением и в память всех тех, кто здесь нес свет евангельского учения людям. Только потом я узнала, что и прадед мой также был здесь настоятелем. Второй крест я поставила в Самовце, на кладбище, всем Заздравных (это девичья фамилия моей мамочки). А оказалось, что есть еще родственники Поповы со стороны бабушки, тоже все священники: Григорий Иванович Попов, Дмитрий Григорьевич. Дочь Григория Ивановича вышла замуж за священника. Это был как раз тот друг, через которого произошло знакомство моих дедушки и бабушки. Он женился на дочке о. Григория и были они направлены в с. Нижний Карабан Воронежской губ., но рано умер. Вдова осталась с тремя детишками и потому вернулась сюда, в Матреновку. Я узнала имена почти всех священников. Храм Вознесения Господня в Битюг Матреновке был основан в 1823 г. Но видимо на месте старого храма. В память о том, прежнем храме я тоже решила поставить крест, он поставлен недалеко от храма, в 50 метрах. А потом я узнала год основания храма Димитрия Мироточивого в с. Самовец. В этот год, когда Господь открыл нам дату его основания, храму исполнилось 140 лет. И опять же попросила батюшку помочь изготовить крест. Он мне говорит: «Ты уже всю землю крестами уставила». Я его уговорила и крест был установлен и освящен о. Гедеоном. На месте самовецкого храма сейчас стоит магазин и проходит дорога. Когда строили эту шоссейную дорогу, столько поднимали костей людей, похороненных при церковном кладбище, в церковной ограде. Господь открыл имена тех, кто

погребен был за алтарем: и самовецкого и матрновского храмов, так, что мы их поминаем.

У меня была еще детская мечта побывать в том месте, где в Великую Отечественную войну погиб мой отец. А погиб он, как сказано в похоронке, «под Смоленском, село Сенное Всходского района». Я смогла туда попасть уже пожилым человеком. Написала в райвоенкомат с просьбой ответить, где похоронен такой-то. Мама, прежде чем получила похоронку, получила письмо от начальника штаба. «Человек он был удивительный», — писал он о моем отце. С кем бы он ни общался, все о нем отзывались положительно. Потом прислали ординарца с вещами отца. И только потом пришла по почте похоронка. Ординарец рассказал, как погиб отец. Каску не одел, был ранен в голову и несколько часов находился в полном сознании, не стонал даже. Сильный был человек, солдаты его очень любили.

А мне сказали, что село Сенное больше не существует, что это теперь брошенная деревня. В центре села похоронили тогда убитых солдат. Потом останки перенесли в районный центр Всходы и там похоронили на братском кладбище. С помощью воронежцев я добиралась туда. Отец жены дьякона из Матреновки имел машину, старый Запорожец. Приехал на машине этой в Москву, и я попросила его отвезти меня в поселок Всходы. Он повез. Побывали мы во Всходах и поехали оттуда в Сенное, проверить, может быть там остались солдатские останки, может быть, не все вывезли. Машина застягала, и нам пришлось идти пешком, вышли на опушку леса, видим, стоит несколько домов, остальные строения порушены. Тишина, никого нет, но вдруг появилась женщина. Она рассказала, что немцы стояли с одной стороны деревни, а наши — с другой. Между ними — деревня. Много тогда народа погибло. Наших солдат хоронили сначала в лесу (она обещала показать где), а после войны перезахоронили в центре села. Но останки перенесли не все, потому что жители продолжали вырывать косточки.

Я поставила иконочку и фотографию папочки, зажгла свечу, хотела помолиться и вдруг, одна другую зовет: «Анна, Анна, поди сюда. Ты знаешь, может быть, чем помочь женщине из Москвы». Та посмотрела и говорит: «А я Вас знаю». Я говорю: «Не может быть, я издалека». «Вы из Иерусалимского подворья в Москве, правда?» Оказалась, она живет в Москве на Кунцевской, почти там же где и я живу (я — на Багратионовской). Говорю: «Анна Григорьевна, у меня нет с собой денег, я Вас умоляю, можно заказать у кого-нибудь крест и поставить его здесь?» Она никого не нашла, но это была уже зацепка. Постепенно, я поставила крест в

лесу, где находились первые захоронения, а также — крест в центре села, где солдат перезахоронили. Просила разрешения поставить крест и на месте третьего перезахоронения в районном центре, но мне отказали. Дескать, это будет нарушать гармонию, ведь там стоит памятник солдату. Заказала я тогда мраморную доску и маленький крестик поместила на нее. Отслужили мы с о. Андроником панихиду в лесу уже к вечеру. Священник мне говорит после: «Сколько я служил панихид, у меня никогда не было такого чувства. Я физически ощущал их благодарность». Потом, на следующий день отслужили панихиду в центре села и на братском кладбище. Трудно туда ездить, непросто, далеко и человека нелегко найти, который бы отвез.

И еще один мой крест. Моя бабушка матушка Мария, которая совершенно ослепла (слепым умирал и ее муж, священник Николай, по сельским рассказам. — О.К.); ее младший сын отбыл Соликамскую ссылку в 1953 г. потом был реабилитирован. Правда, ему не разрешили жить в Москве. Он поселился на Украине. В 1961 г. бабулечка почувствовала себя очень плохо и говорит моей мамочке: «Срочно, Люсь, вези меня к Володе, Алла не сможет жить в комнате, где я умру». От меня скрывали действительную причину ее переезда к сыну. Я говорю, что там нет удобств. Она вскоре умерла, а нам не сразу сообщили об этом. Володя женился на хохлушки. И потом я не ездила туда и совесть меня всегда мучила, я очень ее любила. А ехать туда не могла, мамочка была очень больной человек. И вот, когда мамочки не стало, я уже решилась поехать. 1961 год. Я посыпала запросы о своем дяде, мне отвечают, что такого нет. Того, кто ездил со мной в Сенное, я попросила поехать со мной и на Украину. Заказала большой деревянный крест. Пере самым отъездом я вдруг заболеваю: ноги распухли, по телу пошли какие-то красные пятна. Священник мне говорит, наверное, нет воли Божией на отъезд. А что делать: за крест заплачены большие деньги. Священник взял его с собою в Россось и поместил у себя в гараже. Я уже думала, что потеряла крест. Вдруг 9 мая — звонок: «Алла Александровна, Вы собираетесь ехать?» Поехали. Приехали в Белгород. А перед этим были другие события: недавно обрели мощи свт. Иоасафа Белгородского, они были выставлены в Елоховском соборе в Москве. Пришла я тогда к раке святителя, приложилась к мощам. Там я слышала как одна женщина говорила, что это великий святой, он обязательно исполнит мою просьбу. Поэтому, как только мы прибыли в Белгород, я сразу же пошла в собор, где находились мощи свт. Иоасафа и стала просить у него благословения, чтобы он помог найти могилку бабулеч-

ки. Всё слезами там залила. На выходе из храма вдруг слышу: «Женщина, женщина», — зовет меня кто-то из свечного ящика и дает, после долгих поисков молитву святителю с его портретом. Я была потрясена. Мой проводник боялся ехать на Украину, его пугали, что там машины разбивают. Но поехали, едем ночью, клюем носом, вдруг увидели указатель «монастырь». «Стой, — говорю, — сворачиваем, Иван Иванович. Такое красивое место было, все освещено и тишина необыкновенная на

монастырском дворе. Вдруг, к нам выходит монах. Оказалось, мы попали в Красногорский мужской монастырь. Нас благословили побывать в Почаеве и отсюда мы отправились в Лавру. Из Лавры мы добрались в село Крыжополь, где по моим сведениям умерла бабулечка. Улицы я не знала. Но в ЗАГСе мне дали адрес дяди и там уже все удалось уточнить. Крест был поставлен на могилу бабулечки и отслужена панихида.

г. Эртиль, Воронежская обл. 2000 г.

